

не дай Бог, не отстранили бы, скажем, фасад по своему вкусу.

Критические стрелы летят нынче в Большой, будто желая добить и без того караненного «Слона». Он превращен в мишень, и сами его размеры позволяют попадать в неумолимо цели. Да, это «Слон» из зоопарка, не приученный к свободе, к существованию в джунглях (вспомните, там имелся у нас капитализм, то бишь рыночные отношения), и искать самостоятельно себе прокорм не привык. Но брошенный своими надсмотрщиками, оголодав, он оказался вынужденным сам искать себе пищу, чтобы не погибнуть. Большой не хочет умирать. И его руководство, дирекция ищут способы выживания в новых условиях. Ошибки тут возможны, их даже не может не быть. Но «Слон» уже еле на ногах держится, и не надо его дополнительно травить, загонять в яму.

Генеральный директор Большого театра Владимир Коконин встал же нахлебался и от ревнителей традиций Большого, и от тех, кто желает его сокрушить как ставленника системы. Да и вниманием прессы, не всегда и тому же квалифицированным, Коконин, как мне показалось, тоже умучен. Поэтому не буду пересказывать в подробностях наш с ним разговор. Суть его: колы государственные структуры не в силах больше театр поддерживать, так пусть хотя бы не грабят, не отчисляют в казенную — и бездонную, как опыт показал, — кассу то, что Большой сам зарабатывает и что ему только и должно принадлежать. Пусть хотя бы дадут залатать дыры — в прямом смысле. Знаменитый золототканый занавес Большого театра совсем изно-

миссером, а заведующий галерки, Оттуда, с версту, началась его страстная и Большому любовь. Галерея знала, слышала все. Именно там собирались знатоки — студенчество, служившая интеллигенция. И в семье Покровских, небогатой, покупали абонемент, а кто на спектакль пойдешь, решал жребий. Дешевых мест не считались, зато вот если бы кто захотел испортить, его бы зашили: позор! В этом тоже было отличие Большого — в сочетании демократичности с элитарностью.

Все прошлые годы Большому воспитывал в зрителях уважительное к себе отношение. Точность начала его спектаклей славилась, и в поговорку вошло: можно и опоздать, ведь не в Большой идем... И даже в войну, когда спектакль прерывался сообщением о бомбежке, с адресом ближайшего укрытия, — в вагонках, скажем, никого не лускали. И это не только не встречало сопротивления, а воспринималось с благодарностью: люди сознавали, что если ты не способен празднично оценить, значит, ты его не достоин.

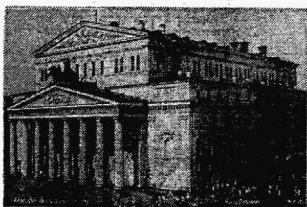
А вот когда недавно Коконин посмел на телевидении высказаться, что-де в Большой надо нарядным приходить, при всем, так сказать, параде, ведущие передачу обсмеяли генерального директора, выставили его как нелепого фавста, оторвавшегося в своих завышенных идеях от нашей действительности. Нетрудно угадать, что к числу заведующих Большого эти ведущие не принадлежали. А, впрочем, есть ли они сейчас?

ОДНА ИЗ БЕД Большого — утрата им своего постоянного зрителя, без чьей любви театр вымерзает, превращается в музейный экспонат, в «достопримечательность». С набегом осматриваемую туристами. Большой сделался недоступен, и к мысли этой поколения уже привыкли — и забыли о Большом. Все равно не попасть. Большой как бы нет. Исчезает, и не заметят.

«Но мы тоже хихикали льготами, бронеми не пользовались, стояли, бывало, в очереди в кассы и почти напролет, и в дождь, и в стужу, — говорят бывшие заведующие Большого, которых на сегодняшний день — горстка. — А теперь в очереди стоят за французской косметикой. А в Большой не ходят, потому что не хотят».

И то правда. Разучились, отучили хотеть. И тут система, режим выказали свою порочность, псевдодемократичность, псевдоравенство, личную заботу о гражданах своих, на деле обобравших, обмануших. Билеты в Большой распределялись так же, как и другой дефицит, тем, кому надо. А также в случаях, когда требовалось пустить пыль в глаза. А еще, чтобы наживаться, спекулировать. Большой оказался среди тех национальных богатств, что, как мы наконец обнаружили, было растащено по нормам. Большой потребляли, им лакомилась лишь избранная, и большинству, раздрaженному, уязвленному, одному оставалось — презирать. Большинство от Большого театра отвернулось. И это было для него — приговор.

Теперь, чтобы подняться, Большому, помимо всего прочего, нужно еще и вернуть своего зрителя, слушателя. А нынешний зритель, слушатель в Большой уже не хочет. Даже ставшие доступными билеты туда ему уже не нужны. (Конечно, на всех спектаклях ряды заполнены, но там сидят в основном экскурсанты). А не-

сил, не замечали? Да и в кабинете у генерального директора обивка на мебели посеклась. Среди «остатков былой роскоши» Коконин с командой придумывают, как из нищеты выкрутиться, и если помочь не можете, так хотя бы не мешайте. Но помните, что нигде в мире театры, подобные Большому, без дотаций, государственной поддержки не обходятся. Если мы сумеем выжить, сохранить как цивилизованная страна, Большому необходимо будет помогать — и щедро.

Но материальная сторона хотя и существенна, тем не менее не все в жизни решает. Тем более в жизни творческой. Вот и зарубежные гастроли выгодны, конечно, но реуется туда наши артисты еще и потому, что там они получают то, без чего их труд лишается смысла.

И. С. Козловский.

Б. Д. Кругликова.

С. А. Лемешев.

М. Т. Семенова.

Тот же Коконин рассказывал в гастрольях Большого в Японии, давших и прошедших вот-вот. Убийственный для нас контраст: японцы, люди иной культуры, много воспитания, отличного от Европы, России, сумели в поразительно неротный срок овладеть русской музыкальной классикой, сделаться ее знатоками. Первоначально воспринимали нашу оперу ну разве что как экзотику. А когда еще раз Большой приехал, публика в зале сидела с партитурами! А что с нами, с нашими гражданами произошло, да что мы обнаружили то же самое время?

Одна моя знакомая, из тех, кто считает, что премье и морозы были крепче, и лето жарче, и, надо признать, позицию свою отстаивает вполне аргументированно, после последнего своего посещения Большого оказалась просто сломавшейся. Шла «Онегина». И вот в сцене, где он впервые на сцене с Ленским появляется, в зале — ни единого хлопика. А испокон веку первое поколение гарло, что бы его ни исполнял, непременно отбрасывало аплодисменты. Тут же — мертвая тишина. Для моей знакомой это было — конец, одичание, варварство, утрата наших бы то ни было ориентиров. Сама она принадлежала к поколению, из которого, как на пример, могли вырастать японцы. Но на мы. У нас это поколение исчезает, не оставив преемников.

Борис Александрович Покровский знает Большой с 1925 года, когда он был еще не ре-

давно дирекция театра сказала шокирована: в продажу пустили билеты стоимостью в один рубль, не в партер, разумеется, на галерку, но ведь именно туда прежде шел главный зритель, знающий, понимающий, молодой. И — нисколько. Ни одного рублевого билета не купил. Эту, самую важную часть публики, значит, упустили, потеряли в процессе грандиозного переустройства общества. Зато в буфете Большого театра засели горделивые молодые люди, не желающие его покидать и при начале спектакля. На просьбы служителей пройти в зал молодые люди отвечали, что затем в Большой и пришли, чтобы маршанского водосталь попить. Билеты предьявлять? Пожалуйста, хоть папку!

Администрация Большого с таким явлением не под силу бороться. И не может она давать советы, как одеваться зрителя, чтобы празднично себя настроить. И в зызывал не должна превращаться, Большой театр не балаган. Большой — это мы, живущие в нашей стране сегодня. И только когда мы поймеем, станем цивилизованнее, культурнее, изменится и Большой театр.